

© В. В. Лыгденова, О. Б. Дашинамжилов

DOI: [10.15293/2226-3365.1706.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.11)

УДК 930 + 314

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1980-е гг.*

В. В. Лыгденова, О. Б. Дашинамжилов (Новосибирск, Россия)

Проблема и цель. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения пространственных перемещений населения в городах Западной Сибири в контексте формирования крупнейшего в стране нефтегазового комплекса и трансформации межреспубликанских миграционных потоков в СССР с середины 1970-х гг. Ставится цель – показать влияние миграций на динамику урбанизационного перехода в Западной Сибири.

Методология. В статье использована методология, предложенная российским исследователем А. С. Сенявским, в основе которой лежит теория урбанизационного перехода, выделяются ее экстенсивная и интенсивная фазы. Последняя характеризуется уменьшением масштабов роста численности и удельного веса городского населения, снижением размеров миграций из сел и ростом значения межгородских переселений, сокращением количества административных преобразований и опережающим ростом населения в наиболее крупных городских населенных пунктах и агломерациях. В статье последовательно анализируются особенности интенсивной фазы урбанизации в Западной Сибири в 1980-е гг.

Результаты. В соответствии с целью и проблемой исследования с учетом исторического контекста произведен анализ источниковых данных о числовых показателях миграций по Западной Сибири в целом за весь рассматриваемый период, отдельным административным образованиям и категориям городских поселений, что позволило выявить особенности урбанизационного перехода в экономическом районе.

Заключение. В работе исследованы многие ранее неизученные аспекты миграционного движения населения в городах в 1980-е гг. Сделаны следующие выводы: в противоположность РСФСР, где трансформация направлений пространственных перемещений населения не привела к повышению положительного сальдо миграций городов (из-за сокращения оттока из сельской местности), в Западной Сибири, единственном экономическом районе республики, объемы миграций в городские поселения увеличились. Благодаря формированию ЗСНГК повысилась миграционная привлекательность западносибирских городов, что позволило им компенсировать сокращение оттока из сельской местности за счет внешних источников. Также произошла

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Лыгденова Виктория Васильевна – кандидат философских наук, научный сотрудник, отдел этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН.

E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Дашинамжилов Одон Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, сектор историко-демографических исследований, Институт истории СО РАН.

E-mail: odon@bk.ru

трансформация миграционных потоков по категориям городских поселений. В итоге, это повлияло на развитие урбанизационного перехода в Западной Сибири – среднегодовые темпы роста численности горожан не уменьшились, а возросли, увеличилась доля средних и малых городов в городском населении.

Ключевые слова: миграции; урбанизация; городское население; Западная Сибирь; демографическое развитие; историческая демография; этническая демография; история Сибири.

Постановка проблемы

К концу советского периода в демографическом развитии РСФСР преобладали несколько тенденций: снижались темпы роста доли и численности городского населения, интенсивность градообразований, масштабы сельско-городских миграций. Если раньше прирост всего населения Российской Федерации за счет пространственных перемещений был отрицательным, то уже с середины 1970-х гг. республика начинает привлекать больше населения, чем отдавать его, в 1980-е гг. миграционный приток из других национально-территориальных образований Советского Союза усилился. В связи с этим представляется интересным на конкретном историческом примере проанализировать особенности миграций населения и выявить их роль в пополнении городских контингентов в указанных хронологических рамках. В работе используется методология, предложенная российским исследователем А. С. Сенявским, в основе которой лежит теория урбанизационного перехода, и выделяются ее экстенсивная и интенсивная фазы¹. Особую актуальность исследованию придает характер

социально-экономического развития Западной Сибири, где формирование нефтегазового комплекса вышло на свою завершающую фазу.

Первыми к изучению миграционных процессов в 1980-е гг. в советское время приступили экономисты и демографы. В работах Ж. А. Зайончковской², Д. Д. Москвина³, В. И. Переведенцева⁴, Л. Л. Рыбаковского⁵ в общих чертах рассмотрены основные тенденции пространственных перемещений, выявлены обобщенные числовые показатели миграций, их территориальная специфика. Отдельные аспекты механического движения населения в восточных районах РСФСР проанализированы в трудах С. В. Соболевой⁶ и Л. В. Корель⁷.

Несмотря на актуальность и важность изучения представленной проблематики историко-демографические исследования 1980-х гг. ограничиваются отдельными работами, в которых обзорно описаны основные тенденции миграций данного периода по стране в целом. Среди них прежде всего следует выделить коллективную монографию «Население СССР за 70 лет» (М., 1988). В постсоветское время в

¹ Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М.: Наука, 2003. – 288 с.

² Зайончковская Ж.А. Зачем и как прогнозировать миграцию // Поиск ведут демографы. Сб. науч. тр. – М.: Изд-во «Мысль», 1985. – С. 88–96.

³ Москвин Д. Д. Население СССР: вопросы миграции (экономико-статистический обзор тенденций 60-х – 80-х гг.). – М.: Наука, 1991. – 160 с.

⁴ Переведенцев В. И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

⁵ Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. – М.: Наука, 1987. – 199 с.

⁶ Соболева С. В., Штейнберг В. Е. Демографическая ситуация и воспроизводство населения Сибири // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Сб. науч. тр. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. – С. 3–26; Социально-экономическое развитие сибирского села. – Новосибирск: Наука, 1987. – 448 с.

⁷ Корель Л. В., Тапилина В. С. О роли жилищного фактора в территориальном перераспределении населения // Демографическое развитие Сибири (прикладной и теоретический аспекты исследования). – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987. – С. 56–68.

связи с расширением доступа к архивным источникам количество исторических исследований численности, воспроизводства и механического движения населения выросло. Вместе с тем демографическим процессам последнего десятилетия существования СССР по-прежнему не уделялось должного внимания. В центре внимания историков оказался период с конца XIX в. и до второй половины XX в., наполненный общественными и военно-политическими потрясениями, масштабными социальными и экономическими катаклизмами⁸. Краткий обзор основных тенденций миграций этого периода в России осуществлен в третьем томе коллективной монографии «Население России в XX веке» (М., 2011). Некоторые аспекты пространственных перемещений в восточных районах в 1980-е гг. затрагивались в трудах Н. Я. Гущина, в нескольких коллективных монографиях и статьях⁹ [1; 2, с. 150–154; 3, с. 67–71; 4, с. 97–113].

Вышло несколько как иностранных, так и отечественных научных трудов, в которых рассматривались различные аспекты пространственных перемещений населения Сибири [5, р. 1; 6, р. 124–129; 7, р. 63–67; 8, р. 110–117; 9, р. 128–142; 10, р. 264–276; 11, р. 83–85; 12, р. 1939–1955; 13, р. 73–78; 14, р. 369–374; 15, р. 436–448; 16, р. 189–209]. В трудах зарубежных исследователей проблемы миграции и урбанизации в России, в том числе на Севере Си-

бири, рассматривались в работах Т. Хелениака, Т. П. Гербера, Р. Ортунга, К. Риессер, М. Маккина, Д. Леона, П. Витебски, Й. Хаббека, Л. Броза, Г. Фондаль, К. Хейкилла, П. Швайцера и др. [17, pp. 1–13; 18, pp. 152–169; 19, pp. 341–368; 20, pp. 193–214; 21, pp. 119–129; 22, pp. 552–570; 23, pp. 439–455; 24, pp. 518–530; 25, pp. 61–86; 26, pp. 165–178]. В названных работах преимущественно рассматриваются проблемы мигрантов и миграции населения России в различных аспектах социальной антропологии, демографии, культурологии, социологии, геополитики.

Таким образом, ученые смогли расширить знания о демографическом развитии городских поселений в историческом ключе. В то же время ретроспективному анализу механического движения населения во второй половине XX в., особенно в 1980-е гг., придавалось меньше значения. Именно поэтому по сей день многие вопросы демографии городов востока России остались неизученными. Уже назрела необходимость в проведении конкретно-исторического исследования, в котором было бы исследовано влияние миграций на процесс формирования городского населения в Западной Сибири в этот период.

Методология исследования

Методологической базой проекта стала теория урбанизационного перехода в интер-

⁸ Зверев В. А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861 – 1917 гг.): уч. пос. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1998. – 92 с; Исупов В. А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). – Новосибирск: Изд-во «Сова», 2008. – 378 с; Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. – М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих России, 2012. – 320 с.

⁹ Гущин Н. Я. Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995. – 82 с; Гущин Н. Я. Тенденции демографического развития Сибири в 60–80-х гг. // Демографическое развитие Сибири. 30 – 80-е гг. (Исторический опыт и современные проблемы). Сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1991. – 181 с; Население Западной Сибири в XX веке. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 170 с; Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI вв. – Новосибирск: Параллель, 2011. – 404 с.

претации российского исследователя А. С. Сенявского. Урбанизационный переход в узком смысле определяет тот момент, когда доля городского населения может перешагнуть порог в 50 % от численности всего населения. В России он произошел в 1958 г. (в СССР в 1961 г.). Согласно А. С. Сенявскому, урбанизация условно делилась на две стадии: экстенсивную и интенсивную. Граница между ними определялась моментом относительной стабилизации миграционного процесса между городом и деревней. Экстенсивная стадия урбанизационного перехода в демографическом смысле характеризовалась массовыми перемещениями населения из села в город, высокими темпами роста численности городов, прежде всего малых и средних, количества и удельного веса городского населения, масштабными административными преобразованиями сельских населенных пунктов в городские. Для интенсивной стадии присущи снижение масштабов повышения численности и удельного веса городского населения, сокращение размеров миграций из сел и увеличение доли межгородских перемещений, уменьшение количества административных преобразований и опережающий рост городских контингентов в наиболее крупных населенных пунктах и агломерациях.

В 1950-е гг. урбанизация постепенно начинает переходить в интенсивную стадию. Со второй половины XX в. и вплоть до конца 1980-х гг. она шла более последовательно. На этом историческом этапе России удалось избежать крупных социальных катаклизмов, а показатели ее социально-экономического роста были плавными и менее скачкообразными. В то же время развитие зауральских районов страны, Западной Сибири в частности, отличалось от общероссийских тенденций. С середины 1960-х гг. здесь началось активное осво-

ение природных ресурсов. Возникла необходимость в формировании новых индустриальных центров, производственной и социальной инфраструктуры. Это означало также необходимость переброски значительных масс населения в осваиваемые районы.

В связи с этим урбанизация в Западной Сибири подверглась определенной коррекции. Применение теоретической концепции А. С. Сенявского дает возможность на конкретном примере выявить принципиальные особенности интенсивной фазы урбанизации, демографического развития городских поселений и миграционных процессов, в частности в рассматриваемый период. Выявленные отклонения от принятой теории позволят дополнить ее структурную схему новыми положениями, учитывающими большее разнообразие внешних и внутренних факторов.

Успешное осуществление целей и задач проекта предполагает использование в тесной взаимосвязи статистических и математических методов. С помощью специальных методов исторического познания: историко-генетического и историко-сравнительного будут обобщены и сгруппированы в историческом контексте данные, которые планируется собрать при использовании демографических методов и выявлены причинно-следственные связи между ними. Сведения, полученные на основе исторических методов, позволят определить особенности пространственных перемещений населения в интенсивной фазе урбанизации в Западной Сибири в 1980-е гг.

Результаты исследования

Рассмотрим тенденции миграционных процессов в городских поселениях РСФСР в целом. Исследовательский анализ подтверждает, что в 1960–1980-е гг. происходило медленное, но все же неуклонное снижение среднегодовых темпов роста численности городских

жителей в Российской Федерации. Так, если в 1959–1970-е гг. они составляли 2,5 %, в 1970–1979 гг. – 1,8 %, то в 1979–1989 гг. – только 1,3 %. Исторические закономерности привели к снижению объемов миграций в города и п. г. т. и сокращению количества административных преобразований сельских населенных пунктов.

Одновременно с этим снизилась роль механического прироста в пополнении контингентов горожан. В 1959–1969-е гг. в РСФСР как в относительном (15,7 ‰), так и абсолютном размерах механический прирост значительно превысил естественный. В 1970–1978-е гг. механический прирост снизился до 11 ‰. В 1979–1989-е гг. его вклад в увеличение численности горожан существенно сократился (до 6,6 ‰) и почти сравнялся с естественным приростом. В процессе урбанизации последовательно менялись роли механического и естественного приростов в количественном пополнении городских контингентов. В РСФСР значение пространственных перемещений непрерывно уменьшалось, и долевое соотношение между ними и естественным приростом постепенно смещалось в пользу последнего (в 1960-е гг. – 1,7; 1970-е гг. – 1,6; в 1980-е гг. – 1,1).

В 1980-е гг. почти на всем протяжении рассматриваемого периода в миграционных процессах укреплялись тенденции, возникшие в середине предшествующего десятилетия. Продолжали расти вплоть до 1986 г. размеры притока населения в Российскую Федерацию, сокращались миграционные потери сельского населения. Снижались объемы не только село-городских, но межгородских миграций (при увеличении доли последних)¹⁰ [32, с. 509].

Резкое снижение оттока населения из РСФСР в другие союзные республики в середине 1970-х гг., как ни странно, не привело к

существенному росту миграций в города. Согласно мнению некоторых ученых происходило это из-за истощения демографического потенциала сельской местности. Подобное явление действительно имело место, однако здесь следует учитывать некоторые особенности трансформации возрастного состава сельчан. Так, за 1970–1979 гг. при последовательном старении и увеличении среднего возраста сельских жителей в РСФСР количество лиц в когортах 15–29 лет, доля которых среди мигрантов достигает 60 %, даже увеличилась.

Из этого следует, что снижение притока населения произошло из-за сокращения переселенческой активности сельских жителей, что подтверждают и данные текущего учета населения. С одной стороны, благодаря целенаправленной политике государства материальное благосостояние сельчан и социально-бытовая инфраструктура деревни последовательно улучшались. В 1970-е гг. различия в заработной плате в промышленности, сконцентрированной преимущественно в городах, и сельском хозяйстве уменьшились. Так, если в 1970 г. зарплата рабочих и служащих сельского хозяйства (без колхозников) в РСФСР составляла 76,3 % от оплаты труда в промышленности, в 1975 г. – 80,2 %, то в 1978 г. – 83,4 %.

С другой стороны, в политике государственных органов на фоне снижения темпов роста экономики и промышленного производства (которое само по себе снижает потребность в трудовых ресурсах) все большее внимание уделялось повышению интенсификации производства. На XXV съезде партии в 1976 г. были поставлены задачи повышения производительности труда, улучшения использования трудовых ресурсов, ускорения

¹⁰ Демографический ежегодник СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 509.

темпов механизации и автоматизации производственных процессов и т. д. В связи с этим весь прирост продукции на действующих предприятиях предполагалось обеспечить при *той же или даже меньшей* численности работников. В результате доля средств, направляемых на реконструкцию и техническое перевооружение предприятий в общем объеме централизованных капитальных вложений, увеличилась с 58 % в 1970 г. до 70 % в 1979 г.¹¹

Согласно официально озвученным данным в СССР по итогам десятой пятилетки (1976–1980 гг.) за счет повышения производительности труда в промышленности было получено 75 % прироста продукции, в сельском хозяйстве – весь прирост, в строительстве – 95 % прироста строительно-монтажных работ¹². Таким образом, потребности промышленности в трудовых ресурсах села уменьшились, что также повлияло на снижение его миграционных потерь.

Еще одним, хотя и меньшим по значимости, фактором снижения миграционной активности деревни и даже притока в сельскую местность, особенно Тюменской области, стало освоение нефтегазовых месторождений. Дело в том, что большинство городов и п. г. т. первоначально являлись обычными поселками, которые считались сельскими населенными пунктами. Следовательно, переселение в них засчитывалось текущим учетом как миграции в сельскую местность, и это в свою очередь в какой-то мере учитывалось в западносибирской статистике.

Согласно основным направлениям экономического и социального развития СССР на

1981–1985 гг., курс на интенсификацию производства был продолжен. За счет повышения производительности труда предполагалось получить не менее 85–90 % прироста национального дохода, в том числе более 90 % в промышленности¹³. Эти и другие меры сократили потребность в трудовых ресурсах и снизили миграционный потенциал деревни.

Предприятия основных индустриальных районов страны все меньше нуждались в прежних объемах рабочей силы. Трудоспособных возрастов достигали лица, рожденные уже в городах, что снижало их миграционную емкость. Со второй половины 1970-х гг. начинает ухудшаться жилищное и продовольственное обеспечение горожан. В то же время за счет государственных мероприятий заметно улучшились оплата труда и социальное обслуживание сельского населения. Это способствовало повышению престижа сельской жизни.

Большое значение имел отказ от проводившейся в 1960–1970-е гг. политики ликвидации неперспективных деревень. В начале 1980-х гг. был принят комплекс нормативных актов, призванных повысить производительность сельского хозяйства: «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан»; «О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР в 1981–1985 годах»; «О дальнейшем развитии сельского хозяйства Центрально-Черноземного района РСФСР» и т. д. В мае 1982 г. на Пленуме ЦК КПСС была принята «Продовольственная программа СССР на период до

¹¹ Анализ основных тенденций развития крупных городов РСФСР. Научный отчет по теме № 23 (ДСП). – М.: ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, 1982. – С. 13.

¹² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Том 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. – М., 1981. – С. 649.

¹³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Том 13. Апрель 1979 г. – март 1981 г. – М., 1981. – С. 656.

1990 года». В рамках этих нормативных актов в целях увеличения производства продуктов питания государство повысило объемы капитальных вложений в сельское хозяйство. В частности, указывалось на необходимость создания условий для того, чтобы каждая семья, проживающая на селе, могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу¹⁴. Предполагалось последовательно проводить в жизнь мероприятия по повышению уровня благосостояния, культуры, жилищно-бытового, медицинского и бытового обслуживания сельских жителей¹⁵.

В итоге общий коэффициент миграционного прироста сельского населения РСФСР снизился с $-18,7\%$ в 1970–1978 гг. до $-9,8\%$ в 1979–1988 гг. Механическая убыль села сократилась в эти периоды с 8,6 млн до 4,9 млн человек¹⁶. Приток населения в города республики в 1980-е гг. оказался меньшим, чем в предшествующее десятилетие. Если в 1970–1978 гг. он составил 8,8 млн, то в 1979–1988 гг. – только 6,7 млн человек.

Исторической особенностью Западной Сибири стала иная динамика городского населения. Действительно, среднегодовые темпы прироста численности горожан в два первых межпереписных периода также снизились ($2,4\%$ и $1,9\%$), но в 1979–1989 гг. они, в противоположность общероссийской тенденции, вновь возросли и достигли $2,2\%$ ¹⁷. Соотношение между механическим и естественным приростами по сравнению с республикой в целом

оказалось следующим: в 1960-е гг. – 1,1, в 1970-е гг. – также 1,1. В 1980-е гг. вклад миграций и административных преобразований увеличился, и указанное соотношение возросло до 1,5. В отличие от РСФСР, в целом среднегодовой механический прирост городского населения в Западной Сибири в 1980-е гг. не уменьшился, а увеличился. Так, если в 1960-е гг. он составлял в расчете на тысячу жителей $12,2\%$, в 1970–1978 гг. – $9,9\%$, то в 1979–1988 гг. – $13,1\%$, почти вдвое превысив среднереспубликанские показатели ($6,6\%$).

Абсолютные величины механического прироста городов в 1979–1988 гг. в Западной Сибири, по сравнению с предыдущим межпереписным периодом, сильно увеличились и достигли почти 1,3 млн чел. (1970–1978 гг. – 715,9 тыс. чел.). При этом интересно то, что объемы миграционных потерь сельской местности Западной Сибири также сократились. Этому способствовало, кроме всего прочего, принятие в 1982 г. специального постановления Совета Министров «О комплексном развитии сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и в Курганской области». В сельской местности планировалось осуществить масштабное жилищное, социально-бытовое строительство, расширить сеть магазинов розничной торговли¹⁸.

Доля желающих покинуть село, по данным новосибирских социологов, уменьшилась: если в 1967 г. она составляла 23% , то в 1982 г. – только 14% ¹⁹. В результате, механический от-

¹⁴ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1987. – Том 14. – 1981–1984. – С. 290.

¹⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1987. – Том 14. – 1981–1984. – С. 290.

¹⁶ Демографический ежегодник России. Стат. сб. – М.: Статистика России, 1998. – С. 21.

¹⁷ Формула расчета среднегодового прироста населения: Практическая демография // под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2005. – С. 33.

¹⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Том 14. Апрель 1981 г. – декабрь 1982 г. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1983. – С. 342.

¹⁹ Социально-экономическое развитие сибирского села. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 71.

ток из западносибирской деревни снизился с почти 800,0 тыс. человек в 1970–1978 гг. до 474 тыс. человек в 1979–1988 гг. или более чем на треть, при этом соотносимые временные периоды отличаются по длительности (в 1960-е гг. – 1,6 млн чел.). Общий коэффициент миграционных потерь сельской местности Западной Сибири упал с –18 ‰ (1970–1978 гг.) до –6 ‰ (1979–1988 гг.)²⁰.

Таким образом, стремительный рост объемов механического прироста был обеспечен в основном массовым наплывом населения извне, из других экономических районов и сокращением оттока за пределы Западной Сибири. Основной причиной роста людского потока из других регионов стало освоение месторождений нефти и газа северных районов. В мае 1977 г. было принято специальное постановление правительства, в котором указывалось, что создаваемый нефтегазовый комплекс стал *главной* базой страны по добыче нефти и газа. Предполагалось увеличить добычу нефти в северных районах Западной Сибири к 1980 г. до 315 млн тонн, газа – до 155 млрд м³.

Согласно основным направлениям экономического и социального развития СССР на 1981–1985 гг., утвержденным на XXVI съезде партии, ЗСНГК оставался приоритетным направлением экономического развития в РСФСР, а его плановые показатели были скорректированы в сторону увеличения. Намечалось довести объемы добычи нефти к 1985 г. до 395 млн т., газа – до 330–370 млрд м³, ввести в действие новые производственные мощности, транспортную инфраструктуру и т. д.²¹. Также на рубеже 1970–1980-х гг. центральные органы власти стали уделять больше внима-

ния угольной отрасли. Повышена минимальная заработная плата ее работников, увеличены капитальные вложения в жилищное строительство. Это позволило городам Кемеровской области впервые за продолжительный период времени привлечь больше населения.

По удельному весу капиталовложений Западная Сибирь к 1985 г. вышла на первое место (18,9 %) в РСФСР, опередив многолетнего лидера по этому показателю – Центральный экономический район. В 1980-е гг. индустрия Западной Сибири продолжала развиваться повышенными темпами. За 1980–1988 гг. ее предприятия увеличили выпуск продукции на 42 % при 34 % и 32 % в СССР и РСФСР в целом. Ключевые «конкуренты» в борьбе за миграционные потоки – Поволжский, Восточносибирский и Дальневосточный экономические районы, республики Средней Азии и Казахстан в разной степени уступали ей темпам хозяйственного роста.

В результате Западная Сибирь осталась единственным экономическим районом в Российской Федерации, где общий коэффициент миграционного прироста городов вырос. В 1979–1984 гг. среднегодовые показатели механического прироста городов и п. г. т. Западной Сибири сильно (до 127 тыс. чел.) увеличились, что подтверждается данными текущего учета. Несмотря на снижение притока из сельской местности, механический прирост городов повысился благодаря внешней миграции, роль которой как источника пополнения трудовых ресурсов существенно возросла. Так, например, положительное сальдо миграции Западной Сибири в целом (городских поселений и сельской местности) за 1979–1988 гг. достигло 815 тыс. человек (в 1970–1978 гг. – отток 76,3 тыс. чел.).

²⁰ Численность, состав и движение населения в РСФСР. Стат. сб. – М.: Госкомстат РСФСР, 1990. – 312 с.

²¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Том 13. апрель 1979 г. – март 1981 г. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – С. 702.

Таблица 1

**Динамика численности, естественного и механического приростов
городского населения Западной Сибири в 1970–1978 гг.***

Table 1

Dynamics of number, natural and mechanical urban population increase in Western Siberia in 1970–1978-s *

Год	Численность населения	Рост/сокращение, в т. ч. за счет	Естественного прироста		Механического прироста
			тыс. чел.	в ‰	
1979	8 767,8	179,0	68,9	7,8	110,1
1980	8 946,8	162,6	69,3	7,7	93,3
1981	9 109,4	205,1	78,9	8,6	126,2
1982	9 314,5	259,1	95,3	10,1	163,8
1983	9 573,6	217,8	96,9	10,0	120,9
1984	9 791,4	229,8	82,3	8,3	147,5
1979–1984		1 253,4	491,6		761,8
1985	10 021,2	234,2	84,9	8,4	149,3
1986	10 255,4	267,7	100,4	9,7	167,3
1987	10 523,1	210,2	101,9	9,6	108,3
1988	10 733,3	187,4	85,0	7,9	102,4
1989	10 920,7	95,3	64,5	5,9	30,8
1985–1989		994,8	436,7		558,1

* Подсчитано по: Численность, состав и движение населения в РСФСР. Стат. сб. М., 1990. С. 14 – 15, 88–89; Естественное движение населения в РСФСР. Стат. бюл. (ДСП). М., 1989. С. 7; Естественное движение населения в РСФСР. Стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 17, 35; Численность, состав и движение населения в РСФСР. Стат. сб. (ДСП). М., 1986. С. 68, 80; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. (ДСП). М., 1984. С. 27, 33

Во второй половине 1980-х гг., согласно директивам XXVII съезда (1986 г.) политика ускоренного развития Сибири была продолжена. Комплексное развитие экономики Сибири и Дальнего Востока оставалось приоритетной задачей центральных государственных органов²². Исходя из основных направлений социального и экономического развития СССР, планировалось усилить работы по наращиванию топливно-энергетической базы, в частности продолжить формирование

ЗСНГК, построить магистральные газопроводы в европейскую часть страны и южные районы Сибири, ввести новые мощности на нескольких ГРЭС²³. После Уренгойского намечалось ускорить темпы обустройства Ямбургского месторождения. По-прежнему большое внимание уделялось нефтяной отрасли Западной Сибири и подготовке предприятий к работе в условиях снижения дебитов скважин на крупных месторождениях.

²² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С. 246, 248.

²³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1987. Том 15. 1985–1988. – С. 237–238.

Более высокими темпами должна была расти оплата труда в колхозах. С учетом поступлений от личного подсобного хозяйства реальные доходы колхозников в перспективе должны были почти сравняться с доходами рабочих и служащих. Наряду с опережающим развитием жилищного и культурного строительства на селе планировалось преодолеть существенные различия между городом и деревней²⁴. Таким образом, реализация программных установок партии продолжала оставаться сдерживающим фактором роста масштабов сельско-городских миграций.

При этом на XXVII съезде КПСС было признано наличие глубоких проблем, которыми оказался пронизан весь народнохозяйственный комплекс страны. Многие отрасли не смогли выполнить намеченных планов, не было получено должной отдачи от больших ресурсов, вложенных в развитие сельского хозяйства. Ряд заданий по повышению благосостояния народа не был выполнен, осложнилось состояние финансов и денежного обращения. В связи с этим намечалось произвести глубокую перестройку в экономике путем всесторонней и последовательной интенсификации, повышения производительности труда, повысив за счет этого среднегодовые темпы роста национального дохода.

Доля Западной Сибири в общем объеме капиталовложений в РСФСР сохранилась почти на прежнем уровне (1990 г. – 18,1 %). Подъем промышленного производства в исследуемом экономическом районе за 1985–1989 гг. составил 16 %, несколько выше, чем по РСФСР в целом (14 %). В 1986–1988 гг. в РСФСР рост промышленного производства замедлился, а в 1989 г. он составил только 1,4 %, в

том числе в Западной Сибири – 0,8 %. Механический прирост городов Западной Сибири, достигнув максимальных значений в 1985–1986 гг., стал быстро сокращаться, снизившись до своего минимума в 1989 г., а его среднегодовые показатели упали в 1985–1989 гг. до 111,6 тыс. человек.

Одной из важных причин сокращения объемов миграций в Западную Сибирь стало еще большее снижение потребности промышленности в трудовых ресурсах. В июне 1987 г. в целях повышения эффективности производства был принят закон «О государственном предприятии». Согласно этому нормативно-правовому акту, увеличились самостоятельность последних и значение трудовых коллективов в принятии экономических решений. Однако реальный результат оказался другим. Под давлением работников часть прибыли стала расходоваться не на развитие производства, а на повышение заработной платы. Сокращение производственных инвестиций не только затормозило экономический рост, но ослабило необходимость постоянного пополнения кадров работников.

И, действительно, согласно официально опубликованным данным, численность промышленно-производственного персонала после 1987 г. стала снижаться. Если в РСФСР в целом в 1986 г. она составляла 23,1 млн человек, то в 1987 г. – 23,0 млн, а в 1988 г. – 22,4 млн человек (1989 г. – 21,7 млн), сократилось и количество рабочих. Эта динамика косвенно подтверждается данными по Западной Сибири, где среднегодовые темпы прироста тружеников народного хозяйства стали отрицательными (–0,8 % за 1986–1989 гг. против 0,5 % в 1981–1985 гг.).

²⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1986. – С. 260.

Более чем в два раза за эти же периоды снизился рост численности работников в Тюменской области (2,7 % против 5,7 %).

Анализ миграционного движения населения по категориям городских поселений показал следующее. В 1980-е гг. тенденция последовательного снижения доли малых городов и п. г. т. и повышения роли крупных в демографическом развитии страны подверглась коррекции. За 1979–1989 гг. удельный вес городских поселений с численностью жителей до 50,0 тыс. человек в РСФСР снизился с 28,9 % до 27,2 %, а средних городов даже вырос (с 9,5 % до 10,5 %), соответственно доля больших городов в населении увеличилась меньше, чем на один процент – с 61,6 % до 62,4 %. В западносибирских регионах новая тенденция оказалась более выраженной. Так, доля крупных городов снизилась на несколько процентов – с 68,1 % до 63,7 %, существенно возросла доля средних городов (с 6,6 % до 10,5 %), а удельный вес малых городов и п. г. т. почти не изменился (25,2 % и 25,7 %).

Такая неожиданная динамика была обусловлена, главным образом, изменениями в механическом движении населения по городским поселениям. В 1960–1980-е гг. освоение нефтегазовых месторождений севера Западной Сибири привело к крупным категориальным изменениям в распределении механического прироста. Так, например, вклад больших городов в нем снизился с 65,4 % в 1960-е гг. до 35,4 % в 1980-е гг., средних городов – увеличился с 1,1 % до 10,1 %, а малых (включая п. г. т.) – с 33,5 % до 54,5 %.

Миграционный приток за 1960–1980-е гг. существенно сократился почти во всех административных центрах регионов и составил –

в Барнауле (22,3 тыс. чел.), Омске (31,3 тыс. чел.), Новосибирске (37,7 тыс. чел.), в Кемерово (всего 9,0 тыс. чел.), в Томске (40,8 тыс. чел.). Тюмень стала единственным городом, где сальдо миграции за этот период увеличилось (до 64,8 тыс. чел.). Сургут и Нижневартовск в 1980-е гг. обеспечили львиную долю миграционного прироста среди крупных городов в Западной Сибири (203,0 тыс. чел.). При этом впервые за два десятилетия небольшую позитивную статистику механического прироста показали крупные города Кузбасса (14,0 тыс. чел.). Хотя это во многом произошло, благодаря введению в черту г. Ленинск-Кузнецкий крупного рабочего поселка Полысаево. Положительная динамика сохранилась также у Новокузнецка (20,0 тыс. чел.), Бийска (8,9 тыс. чел.) и Рубцовска (4,1 тыс. чел.).

Миграция позволила средним городам увеличить свое население на 130,4 тыс. человек. Ряды этой категории пополнились такими городами как Новый Уренгой, Ноябрьск, Куйбышев и Березовский. Расчеты велись за 1979–1988 гг. с учетом того, что Нягань, Надым, Заринск, Белово стали средними, а Новый Уренгой, Ноябрьск – большими городами. Большой миграционный прирост дали Тобольск (22,6 тыс. чел.), Нефтеюганск (25,8 тыс. чел.), Ноябрьск (23,7 тыс. чел.) и Новый Уренгой (33,9 тыс. чел.), т. е. города, вошедшие в состав ЗСНГК. Стабильные темпы механического пророста демонстрировали Бердск (6,2 тыс. чел.), Юрга (7,8 тыс. чел.), Искитим (5,0 тыс. чел.). Заметно улучшились, по сравнению с предыдущими годами, показатели миграций в г. Осинники (–0,9 тыс. чел.), Междуреченск (6,0 тыс. чел.) и Новоалтайск (–0,2 тыс. чел.).

Таблица 2

Механический прирост городов и п. г. т. Западной Сибири в 1960–1980-е гг.

Table 2

Mechanical urban increase and urban settlements of Western Siberia in 1960-1980-s

Населенный пункт	1959–1969 гг.	1970–1978 гг.	1979–1988 гг.
Большие города	584,5	350,9	456,2
Средние города	9,5	111,3	130,4
Малые города и п. г. т.	300,2	253,7	702,4
Итого	894,2	715,9	1 289,0

* Рассчитано по: Население РСФСР. Итоги Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М., 1960. С. 190–205; Численность населения СССР по переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа и районным центрам. М., 1971. С. 21–26, 99–102, 139–144, 184–185, 189–192; Численность населения СССР, республик, краев, областей, автономных округов, районов, городов, поселков городского типа и районных центров по данным Всесоюзной переписи на 17 января 1979 года. Часть 1. М., 1980. С. 12–21, 119–122, 166–173, 232–234, 240–246; Численность населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. С. 295–324; Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Динамические ряды №.1 Л. 19–23

На малые городские поселения пришла основная часть (702,4 тыс. чел.) или 54,5 % механического прироста, в том числе непосредственно на малые города (без п. г. т.) – 208,2 тыс. человек, при этом 292,8 тыс. человек стали горожанами за счет административных преобразований. На карте Западной Сибири появилось 46 новых поселков городского типа и 11 городов, из которых три стали ими сразу же – Новый Уренгой, Когалым и Кедровый, минуя стадию рабочих поселков.

Основной причиной значительного увеличения показателей механического прироста у малых городских поселений стало возникновение целой плеяды новых городских поселений в Тюменской и Томской области, предприятия которых функционировали на основе добычи нефти и газа. Совокупный механический прирост в таких городах как Когалым, Лангепас, Мегион, Нягань, Радужный, Новый Уренгой, Ноябрьск, Стрежевой и Кедровый достиг 123,4 тыс. человек.

В результате сокращения оттока населения механическая убыль у многих других ма-

лых городских поселений неуклонно снижалась. С одной стороны, это стало следствием проводимого государством курса на выравнивание доходов горожан и сельских жителей, что косвенно затронуло и население малых городов и п. г. т., с другой – политики рассредоточения промышленности и ограничения ее развития в крупных административных и индустриальных центрах. Заметно усилился приток населения в столицы Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов и Горно-Алтайской автономной области.

Исследовательский анализ территориальной специфики миграций выявил следующие тенденции. Тюменская область по статистическим показателям перемещений населения прочно укрепила на первом месте, обеспечив 2/3 механического прироста городов Западной Сибири. В 1980-е гг. нефтегазовый комплекс окончательно стал ведущей движущей силой хозяйственного развития Западной Сибири. На предприятия Тюменской области в 1985 г. пришлось 60,7 % от общего объема инвестиций в экономический район. Вместе с

тем, в изучаемый период в нефтегазодобывающем комплексе возникли и стали углубляться кризисные явления. Нарастающая стагнация промышленного производства уже в 1987 г. отразилась на объемах миграций в область.

Городам Кемеровской области впервые за долгие годы удалось избежать механической убыли, что подтверждается данными текущего учета. Положительный нетто-прирост образовался из-за резкого снижения выбытий из региона, и это несмотря на то, что по темпам роста промышленного производства Кузбасс уже на протяжении длительного времени занимал последнее место в Западной Сибири (+20,0 % за 1980–1988 гг.). Градообразующая активность в области почти замерла, за межпереписной период в регионе появились

только два новых п. г. т. (Пионер и Новый Городок). Нарастание застойных явлений в экономической сфере страны и другие вышеназванные причины привели к сокращению размеров оттока населения в другие районы при меньшем снижении объемов притока.

К тому же на рубеже 1970–1980-х гг. центральными органами власти осуществлен комплекс мероприятий, направленный на улучшение положения дел в угольной отрасли. Повышена минимальная заработная плата ее работников, увеличены капитальные вложения в жилищное строительство²⁵. Это позволило городам Кемеровской области впервые за продолжительный период времени привлечь больше населения.

Таблица 3

Механический прирост западносибирских городов за 1979–1988 гг.*

Table 3

Mechanical increase of Western Siberian cities during 1979–1988-s*

Год	Алтайский край	Кемеровская область	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Тюменская область	Западная Сибирь
1979	8,4	-0,4	9,0	1,4	5,6	86,2	110,1
1980	5,2	1,5	10,1	4,5	4,8	67,2	93,3
1981	4,1	5,2	6,3	5,9	6,4	98,3	126,2
1982	5,5	10,2	5,0	9,2	10,4	123,5	163,8
1983	7,6	11,2	5,3	2,5	2,7	91,5	120,9
1984	10,4	2,4	3,0	13,6	4,8	113,3	147,5
1985	9,8	6,6	6,5	11,6	5,4	109,3	149,3
1986	9,1	7,0	10,9	28,5	5,8	106,0	167,3
1987	9,8	5,2	11,4	10,1	14,4	57,4	108,3
1988	3,5	-0,8	11,2	10,1	5,7	72,7	102,4
Всего	73,6	48,0	78,7	97,4	65,9	925,5	1 289,0

* Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1979 г. Стат. сб. (ДСП) М., 1980. С. 41, 53; Численность, естественное движение и миграция населения РСФСР в 1983 г. Стат. сб. (ДСП) М., 1984. С. 27, 33; Численность, состав и движение населения РСФСР. Стат. сб. (ДСП) М., 1986. С. 104; Естественное движение населения в РСФСР. Стат. сб. (ДСП) М., 1988. С. 71; Естественное движение населения РСФСР. Стат. бюлл. (ДСП) М., 1989. С. 7.

²⁵ Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Историческое

исследование. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 233, 267.

Миграционные процессы в остальных регионах Западной Сибири в 1980-е гг. в целом происходили в русле тенденций присущих экономическому району в целом и отличались высокой стабильностью. Несколько снизился механический прирост в Алтайском крае, Омской, Томской и Новосибирской областях. Многоотраслевая хозяйственная структура с высоким удельным весом хорошо востребованных высокотехнологических отраслей, развитая социальная сфера, наличие мощного экономического ядра, сконцентрированного в административном центре, на протяжении десятилетий обеспечивали устойчивость показателей миграций.

Заключение

Итак, в ходе исследования нам удалось выяснить, что миграционные процессы в городах в рассматриваемом экономическом районе обладали значительной спецификой. Сравнительно стабильное, по сравнению с первой половиной XX в., социально-экономическое и политическое развитие оказало благоприятное влияние на пространственные перемещения населения в стране, в том числе и в Западной Сибири. Государственная политика размещения производительных сил способствовала возведению новых городских поселений и увеличению численности их населения. Строительство новых предприятий, формирование социальной инфраструктуры стимулировали миграцию населения извне и привели к заметным структурным изменениям в переселенческих потоках.

В противоположность РСФСР, где в 1980-е гг. снизились объемы миграционного притока населения в городские поселения, в Западной Сибири, единственном экономическом районе республики, значение пространственных перемещений населения увеличи-

лось. Дело в том, что трансформация направлений пространственных перемещений населения не привела в РСФСР к повышению положительного сальдо миграций городов (из-за сокращения оттока из сельской местности). В Западной Сибири, единственном экономическом районе республики, объемы миграций в городские поселения, наоборот, увеличились. Благодаря формированию ЗСНГК повысилась миграционная привлекательность городов Западной Сибири для граждан страны, что позволило им компенсировать сокращение оттока из сельской местности за счет внешних источников.

Формирование ЗСНГК не только повысило привлекательность Западной Сибири для граждан страны, но и трансформировало миграционные потоки по категориям городских поселений. Если раньше крупнейшие административные и индустриальные центры привлекали больше всего населения, то в 1980-е гг. самый высокий механический прирост (даже за вычетом административных преобразований) образовался у малых городов и п. г. т. В итоге это повлияло на развитие урбанизационного перехода в Западной Сибири – среднегодовые темпы роста численности горожан не уменьшились, а возросли, увеличилась доля средних и малых городов в населении.

Вместе с тем, специфика миграционных процессов в городах Западной Сибири стала следствием, в основном освоения богатых нефтегазовыми ресурсами северных районов Тюменской области. Подобное течение демографических процессов таило в себе определенные риски. Однобокая специализация отдельных регионов, позволяющая на первоначальных этапах привлечь массы мигрантов, со временем, по мере истощения ресурсной базы и снижения спроса на сырье, могла привести, как в Кузбассе, постепенно к упадку созданной сети городских населенных пунктов. А это, в

свою очередь, требовало постоянного повышенного внимания государства к проблемам миграций в восточных районах. Кроме того,

постепенное истощение демографических ресурсов ставит на повестку дня вопрос об эффективности последующего использования экстенсивных методов при их освоении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Метелев И. С.** Миграционные процессы и экономическое освоение Азиатской России. Прошлое, настоящее, будущее. – М.: Гуманитарий, 2012. – 196 с.
2. **Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В.** Динамика изменения этнического состава населения Сибири в 1989–2010 гг. // Социологические исследования. – 2012. – № 10. – С. 50–54.
3. **Дашинамжилов О. Б.** Урбанизация в Западной Сибири в 1959–1989 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 67–71.
4. **Дашинамжилов О. Б.** Демографическое развитие малых городов Западной Сибири за 50 лет (1959–2010 гг.) // ЭКО. – 2013. – № 8 (470). – С. 97–113.
5. **Bokhan N.** 1579 – Migration and Mental Health of Aborigines of Siberia: New Challenges of Old Problems // *European Psychiatry*. – 2013. – Vol. 28, Sup. 1. – P. 1. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/S0924-9338\(13\)76580-5](https://dx.doi.org/10.1016/S0924-9338(13)76580-5)
6. **Bagashev A. N., Fedorov R. Yu.** Ethnic and Cultural Identity of the Belorussian Migrants in Western Siberia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2012. – Vol. 40, Issue 3. – P. 124–129. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2012.11.014>
7. **Lesyuta N. V.** Characteristics of development of urbanized territories in Siberia // *Geography and Natural Resources*. – 2010. – Vol. 31, Issue 1. – P. 63–67. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.gnr.2010.03.012>
8. **Korovushkin D. G.** The Ethnic Environment of Diasporas in Western Siberia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2009. – Vol. 37, Issue 1. – P. 110–117. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2009.05.013>
9. **Aksyanova G. A.** Ethnic Demography of Western Siberia At the End of the 20th Century // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. – 2011. – Vol. 39, Issue 2. – P. 128–142. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2011.08.013>
10. **Griewald Y., Clemens G., Kamp J., Gladun E., Hölzel N., Dressler H.** Developing land use scenarios for stakeholder participation in Russia // *Land Use Policy*. – 2017. – Vol. 68. – P. 264–276. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.07.049>
11. **Pokshishevsky V. V.** Population migration in the USSR // *Geoforum*. – 1972. – Vol. 3, Issue 1. – P. 83–85. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/0016-7185\(72\)90011-5](https://dx.doi.org/10.1016/0016-7185(72)90011-5)
12. **Andreev E., Scherbov S., Willekens F.** Population of Russia: What can we expect in the future? // *World Development*. – 1998. – Vol. 26, Issue 11. – P. 1939–1955. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00111-9](https://dx.doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00111-9)
13. **Orlov A. Yu.** The Technique of Ethnogeodemographic Research // *Geography and Natural Resources*. – 2009. – Vol. 30, Issue 1. – P. 73–78. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.gnr.2009.03.014>
14. **Volkova E. S.** Evolution of the socio-economic system of the Tomsk region: the historical-geographical aspect // *Geography and Natural Resources*. – 2008. – Vol. 29, Issue 4. – P. 369–374. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.gnr.2008.10.006>

15. **Mares M., Lares M.** Oil and natural gas in Russia's eastern energy strategy: Dream or reality? // *Energy Policy*. – 2012. – Vol. 50. – P. 436–448. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.enpol.2012.07.040>
16. **Besprozvanny E., Kosintsev P., Pogodin A.** 2.2 – North of West Siberia // *Human Colonization of the Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*. – 2017. – Part 1. – P. 189–209. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-813532-7.00012-7>
17. **Heleniak T.** International Comparisons of Population Mobility in Russia // *International Journal of Population Research*. – 2012. – Vol. 2012. – P. 1–13. – Article ID 361497. DOI: <https://dx.doi.org/10.1155/2012/361497>
18. **Gerber T., Radl J.** Pushed, Pulled, or Blocked? The Elderly and the Labor Market in Post-Soviet Russia // *Social Science Research*. – 2014. – Vol. 45. – P. 152–169. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.12.006>
19. **Shkolnikov V. M., Andreev E. M., McKeen M., Leon D. A.** Components and possible determinants of the decrease in Russian mortality in 2004–2010 // *Demographic Research*. – 2013. – Vol. 28. – P. 917–950. – Article ID: 32. DOI: <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2013.28.32>
20. **Ortung R. W., Riesser C.** Urban sustainability in Russia's Arctic: lessons from a recent conference and areas for further investigations // *Polar Geography*. – 2014. – Vol. 37, Issue 3. – P. 193–214. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2014.919362>
21. **Habeck J. O., Belolyubskaya G.** Fences, private and public spaces, and traversability in a Siberian City // *Cities: The International Journal of Urban Policy and Planning*. – 2016. – Vol. 56. – P. 119–129. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2016.04.001>
22. **Broz L., Habeck J. O.** Siberian Automobility Boom: From the Joy of Destination to the Joy of Driving There // *Mobilities*. – 2015. – Vol. 10 (4). – P. 552–570. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17450101.2015.1059029>
23. **Vitebsky P., Alekseyev A.** Siberia // *Annual Review of Anthropology*. – 2015. – Vol. 44. – P. 439–455. DOI: <https://dx.doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155546>
24. **Vitebsky P., Alekseyev A.** Casting Timeshadows: Pleasure and Sadness of Moving among Nomadic Reindeer Herders in north-east Siberia // *Mobilities*. – 2015. – Vol. 10, Issue 4. – P. 518–530. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/17450101.2015.1062298>
25. **Heikkila K., Fondahl G.** Co-managed research: non-indigenous reflections on an indigenous toponymy project in northern British Columbia // *Journal of Cultural Geography*. – 2012. – Vol. 29 (1). – P. 61–86. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08873631.2012.646891>
26. **Petrov A. N., BurnSilver S., Chapin III F. S., Fondahl G., Graybill J., Keil K., Nilsson A. E., Riedlsperger R., Schweitzer P.** Arctic Sustainability Research: Toward a New Agenda // *Polar Geography*. – 2016. – Vol. 39 (3). – P. 165–178. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2016.1217095>

DOI: [10.15293/2226-3365.1706.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.11)

Victoria Vasilyevna Lygdenova, Candidate of Philosophical Sciences, Ethnography Department, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russian Federation.

Researcher ID: Q-3711-2016

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4277-8155>

E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Odon Borisovich Dashinamzhilov, Candidate of Historical Sciences, Sector of Historical-Demographical Research, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russian Federation.

Researcher ID: H-7817-2017

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0938-2290>

E-mail: odon@bk.ru

Migration of population in urban settlements of Western Siberia in 1980-s

Abstract

Introduction. *The present research is significant due to the need for analyzing areal movements of population in the cities of Western Siberia in conditions of inter-republican migration flows' transformation when balance of migration in the Soviet Union became positive since 1970-s. The authors consider the development of society and economy in Western Siberia in 1980-s when the biggest oil-gas complex was being built. The purpose of the article is to observe the influence of migrations on urbanization transition dynamics in Western Siberia. The authors address a wide range of demographic processes in the cities in 1980-s which have not been researched before.*

Materials and Methods. *For this study, A. S. Senyavskyy's Methodology is applied. It is based on the theory of urbanization transition; the extensive and intensive factors are differentiated. The intensive factor is characterized by the reduction of the urban population's number and its significance, decreasing sizes of migration from rural areas and growth of movements between cities, shortening the number of administrative transformations and outrunning growth of population in the biggest urban settlements and agglomerations.*

Results. *According to the purpose and the problem of the study, the authors conducted the analysis of resource data of migration rates in Western Siberia as a whole, and a range of administrative unities and categories of urban settlements, in particular, during the considered period, which enables to reveal peculiarities of urban transition in the economic region.*

Conclusions. *Previous studies have not dealt with a range of aspects of migration movements in cities in 1980-s, which have been addressed in this article. As a result, the following conclusions are made: opposite to the Russian Soviet Federative Socialist Republic, where the sizes of migration inflow to urban settlements and their role in the growth of urban population decreased, Western Siberia was the only economic region of the republic, where the volume of areal movements increased. Developing of Western Siberian Oil and Gas Mining Complex (ZSNGK) contributed to attractiveness of Western Siberian cities, as well as transformed migration flows according to urban settlements categories. In the end, it had a great impact on the development of urban transition in Western Siberia – annual*

average growth rate of the urban population number increased, share of middle and small towns in the population also grew.

Keywords

Migrations; Urbanization; Urban population; Western Siberia; Demographic development; Historical demography; Ethnical demography; History of Siberia.

Acknowledgements

The reported study was funded by The Russian scientific Foundation (project No. 14-50-00036).

REFERENCES

1. Metelev I. S. *Migration processes and economic development of Asian Russia. Past, Present, Future*. Moscow, Gumanitariy Publ., 2012, 196 p. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19979975>
2. Dashinamzhilov O. B., Lygdenova V. V. Dynamics of change of ethnical composition of the population of Siberia in 1989–2010. *Sociological Studies*, 2012, no. 10, pp. 50–54. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18070662>
3. Dashinamzhilov O. B. Urbanization in Western Siberia in 1959–1989. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2013, no. 1, pp. 67–71. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18927377>
4. Dashinamzhilov O. B. Demographic Development of Small Cities of Western Siberia During 50 Years (1959–2010). *ECO*, 2013, no. 8, pp. 97–113. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20230365>
5. Bokhan N. 1579 – Migration and Mental Health of Aborigines of Siberia: New Challenges of Old Problems. *European Psychiatry*, 2013, vol. 28, sup. 1, pp. 1. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/S0924-9338\(13\)76580-5](https://dx.doi.org/10.1016/S0924-9338(13)76580-5)
6. Bagashev A. N., Fedorov R. Yu. Ethnic and Cultural Identity of the Belorussian Migrants in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012, vol. 40, issue 3, pp. 124–129. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2012.11.014>
7. Lesyuta N. V. Characteristics of development of urbanized territories in Siberia. *Geography and Natural Resources*, 2010, vol. 31, issue 1, pp. 63–67. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.gnr.2010.03.012>
8. Korovushkin D. G. The Ethnic Environment of Diasporas in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, vol. 37, issue 1, pp. 110–117. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2009.05.013>
9. Aksyanova G. A. Ethnic Demography of Western Siberia At the End of the 20th Century. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, vol. 39, issue 2, pp. 128–142. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.aeae.2011.08.013>
10. Griewald Y., Clemens G., Kamp J., Gladun E., Hölzel N., Dressler H. Developing land use scenarios for stakeholder participation in Russia. *Land Use Policy*, 2017, vol. 68, pp. 264–276. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.landusepol.2017.07.049>
11. Pokshishevsky V. V. Population migration in the USSR. *Geoforum*, 1972, vol. 3, issue 1, pp. 83–85. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/0016-7185\(72\)90011-5](https://dx.doi.org/10.1016/0016-7185(72)90011-5)
12. Andreev E., Scherbov S., Willekens F. Population of Russia: What can we expect in the future? *World Development*, 1998, vol. 26, issue 11, pp. 1939–1955. DOI: [https://dx.doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00111-9](https://dx.doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00111-9)

13. Orlov A. Yu. The Technique of Ethnogeodemographic Research. *Geography and Natural Resources*, 2009, vol. 30, issue 1, pp. 73–78. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.gnr.2009.03.014>
14. Volkova E. S. Evolution of the socio-economic system of the Tomsk region: the historical-geographical aspect. *Geography and Natural Resources*, 2008, vol. 29, issue 4, pp. 369–374. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.gnr.2008.10.006>
15. Mares M., Lares M. Oil and natural gas in Russia's eastern energy strategy: Dream or reality? *Energy Policy*, 2012, vol. 50, pp. 436–448. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.enpol.2012.07.040>
16. Besprozvanny E., Kosintsev P., Pogodin A. 2.2 – North of West Siberia. *Human Colonization of the Arctic: The Interaction Between Early Migration and the Paleoenvironment*, 2017, part 1, pp. 189–209. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-813532-7.00012-7>
17. Heleniak T. International Comparisons of Population Mobility in Russia. *International Journal of Population Research*, 2012, vol. 2012, pp. 1–13, article ID 361497. DOI: <https://dx.doi.org/10.1155/2012/361497>
18. Gerber T., Radl J. Pushed, Pulled, or Blocked? The Elderly and the Labor Market in Post-Soviet Russia. *Social Science Research*, 2014, vol. 45, pp. 152–169. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.12.006>
19. Shkolnikov V. M., Andreev E. M., McKeen M., Leon D. A. Components and possible determinants of the decrease in Russian mortality in 2004–2010. *Demographic Research*, 2013, vol. 28, pp. 917–950, article ID: 32. DOI: <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2013.28.32>
20. Orttunga R. W., Riesser C. Urban sustainability in Russia's Arctic: lessons from a recent conference and areas for further investigations. *Polar Geography*, 2014, vol. 37, issue 3, pp. 193–214. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2014.919362>
21. Habeck J. O., Belolyubskaya G. Fences, private and public spaces, and traversability in a Siberian City. *Cities: The International Journal of Urban Policy and Planning*, 2016, vol. 56, pp. 119–129. DOI: <https://dx.doi.org/10.1016/j.cities.2016.04.001>
22. Broz L., Habeck J. O. Siberian Automobility Boom: From the Joy of Destination to the Joy of Driving There. *Mobilities*, 2015, vol. 10 (4), pp. 552–570. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/17450101.2015.1059029>
23. Vitebsky P., Alekseyev A. Siberia. *Annual Review of Anthropology*, 2015, vol. 44, pp. 439–455. DOI: <https://dx.doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155546>
24. Vitebsky P., Alekseyev A. Casting Timeshadows: Pleasure and Sadness of Moving among Nomadic Reindeer Herders in north-east Siberia. *Mobilities*, 2015, vol. 10, issue 4, pp. 518–530. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/17450101.2015.1062298>
25. Heikkila K., Fondahl G. Co-managed research: non-indigenous reflections on an indigenous toponym project in northern British Columbia. *Journal of Cultural Geography*, 2012, vol. 29 (1), pp. 61–86. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08873631.2012.646891>
26. Petrov A. N., BurnSilver S., Chapin III F. S., Fondahl G., Graybill J., Keil K., Nilsson A. E., Riedlsperger R., Schweitzer P. Arctic Sustainability Research: Toward a New Agenda. *Polar Geography*, 2016, vol. 39 (3), pp. 165–178. DOI: <https://dx.doi.org/10.1080/1088937X.2016.1217095>

Submitted: 09 July 2017 Accepted: 03 November 2017 Published: 30 December 2017

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).